

Достоевский получил письмо от врача А. Ф. Благодарова из Юрьева-Польского, сообщавшего, что «...изображение... галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамазовым вследствие сильной душевной напряженности... создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик. Описать форму душевной болезни, известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, вряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии: Гринингеры, Крафт-Эбинги, Лораны и Сенкеи и т. п., наблюдавшие множество субъектов, страдавших нарушенным психическим строем...»³⁰.

Письмо врача особенно обрадовало Достоевского, потому что «за ту главу Карамазовых (о галлюцинации)... его ...пробовали уже было обозвать ретроградом и изувером, дописавшись „до чертиков“...». «Вас, особенно, как врача, — писал он Благодарову, — благодарю за сообщение Ваше о верности изображенной мною психической болезни этого человека. Мнение эксперта меня поддержит, и согласитесь, что другой этот человек (Ив. Карамазов) при данных обстоятельствах, никакой иной галлюцинации не мог видеть, кроме этой»³¹. Письмо это хранится в музее Достоевского. Оно поступило в музей в 1951 г. и впервые было опубликовано лишь в 1959 г. Только в 1920 г. стало известно письмо Достоевского к Н. А. Любимову, редактору «Братьев Карамазовых», которого Достоевский заверял, посылая ему главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», что «медицинское состояние» Ивана «проверял у докторов... Они утверждают, что не только подобные кошмары, но и галлюцинации перед „белой горячкой“ возможны. Мой герой, конечно, видит и галлюцинации, но смешивает их с своими кошмарами. Тут не только физическая (болезненная) черта, когда человек начинает временами терять различие между реальным и призрачным (что почти с каждым человеком хоть раз в жизни случалось), но и душевная, совпадающая с характером героя: Отрицая реальность призрака, он, когда исчез призрак, стоит за его реальность. Мучимый безверием, он (бессознательно) [желал бы] желает в то же время, чтоб призрак был не фантазия, а нечто в самом деле»³². Так сам Достоевский объясняет, что обращение к описанию душевных болезней — явлений необычных, исключительных, взятых из самой жизни и в то же время находящихся словно бы на грани реального, «фантастических», как он называл подобные явления, — составляло одну из особенностей его художественного метода. Достоевского интересуют не простые, обычные патологические расстройства психики, а «болезни духа», порожденные социальной действительностью. Как справедливо указывают современные психиатры, «Достоевский не психопатолог, а гениальный знаток человеческой души, описывающий состояния, когда норма выглядит патологией, однако далека еще до психиатрической клиники»³³.

В. М. Бехтерев отмечает, что Достоевский «прежде всего художник. Он дал нам то, чего наука... дать не могла, ибо область художественного воспроизведения действительности есть дело художника, а не врача, притом же для тех творений, которые вышли из-под пера Достоевского, нужна гениальность и притом гениальность особого рода, гениальность художника, а не аналитический гений науки»³⁴. Это признание мы находим и в трудах Э. Ферри: «... мы знаем, почему психологический роман Достоев-

³⁰ «Лит. наследство», т. 86, с. 490.

³¹ Достоевский Ф. М. Письма, т. IV, 1878—1881. Под ред. и с примечаниями А. С. Долинина, М., Гослитиздат, 1959, с. 221.

³² Там же, с. 190.

³³ Зурабашвили А. Д. Актуальные проблемы персонологии и клинической психиатрии (гл. «О некоторых общих проблемах персонологии в творчестве В. Шекспира, И. Гете, Ф. Шиллера и Ф. М. Достоевского»). Тбилиси, «Мецниереба», 1970, с. 101.

³⁴ Бехтерев В. М. Указ. соч., с. 138.